

Jesse L. Byock

Viking Age Iceland

Джесси Л. Байок

Исландия ЭПОХИ ВИКИНГОВ

*Перевод с английского, французского
и древнеисландского
Ильи Свердлова*

Москва, 2012

УДК 94 (491.1)
ББК 63.3 (4Исл)
Б18

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

На обложке изображено: маргиналия из “Книги Йона” (AM 354 fol., исландская рукопись XVI в.); носовое украшение современной шведской ладьи Svea Viking, воспроизводящее мотивы с драконьей головы из Усебергского кургана (Норвегия, начало IX в.); фрагмент карты Исландии работы австрийского картографа Франца Йоганна Йозефа фон Райли (Вена, 1791 г.); памятник Лейву Удачливому сыну Эйрика в Грандхейме (Норвегия); Лагуна Ледниковой реки (*Jökulsárlón*) на юге Исландии; младшерунический камень из церкви при Ресму (остров Эланд, Швеция).

Издание осуществлено при техническом содействии издательства АСТ

Байок, Дж. Л.

Исландия эпохи викингов / ДЖЕССИ Л. БАЙОК ; пер. с англ., фр. и дисл.
И. СВЕРДЛОВА — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 912 с.

ISBN 978-5-271-41157-1 (ООО “Издательство Астрель”)

Джесси Л. Байок — специалист по древнеисландскому языку и средневековой Скандинавии, профессор отделения скандинавистики и Котсеновского института археологии при Университете штата Калифорния в Лос-Анджелесе. Джесси Л. Байок руководит археологической экспедицией “Мшистая гора” в Исландии. Его перу принадлежат многочисленные работы по средневековой Исландии и сагам, включая книги “Исландия в средние века: общество, саги и власть” и “Распря в исландской саге”, а также переводы на английский язык “Саги о Вэльсунгах”, “Саги о Хрольве Краки” и “Младшей Эдды”. Байок учился в Исландии (где в молодости жил на хуторах в северных фьордах и пас овец), Швеции, Франции и Америке и получил докторскую степень в Гарвардском университете; его научным руководителем был знаменитый филолог Альберт Бейтс Лорд. “Исландия эпохи викингов” — главный труд Байока, открывающий панорамную картину средневекового исландского общества с его уникальной структурой и сложной системой законов. Богатый иллюстративный материал дают примеры из исландских саг, которые при должном анализе оказываются истинным сокровищем для исследователя. В настоящее издание включены “Сага о людях из Оружейникова фьорда” и “Сага о Гудмунде Достойном”, ранее не переведившиеся на русский язык.

УДК 94 (491.1)
ББК 63.3 (4Исл)

ISBN 978-5-271-41157-1 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Jesse L. Byock, 2001
- © И. Свердлов, перевод на русский язык, 2012
- © А. Бондаренко, оформление, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Список иллюстраций</i>	11
<i>Список карт</i>	12
<i>От переводчика</i>	14
<i>Благодарности</i>	21
<i>Предисловие</i>	24
<i>Немного о чтении древнеисландских слов, имен собственных и топонимов</i>	27
<i>Введение</i>	33
ГЛАВА 1. Иммигрантское общество	39
Язык первопоселенцев и слово “викинг”	50
Управление страной и природа власти	52
Мёрд Скрипица — “влиятельный человек” и закон	54
Саги, или Средневековая исландская этнография	63
ГЛАВА 2. Ресурсы и их добыча: как выжить на приполярном острове	67
Постройки из дерна	79
ГЛАВА 3. Кислая сыворотка и плохая погода, или Жизнь в сельскохозяйственном обществе, которому своих забот хватает	89
Провизия, стратегии выживания и население	94
“Экономика неурожаев”, или Трудности североатлантической жизни	105

ГЛАВА 4. Эволюция и деволюция социального устройства . . .	115
Социальные ранги, иерархия и богатство	120
Сложная культура, простая экономика	125
Приватизация исполнительной власти в X веке	130
Исландия эпохи народовластия — протодемократическое общество? .	132
Распря по-исландски: система управления конфликтами	135
ГЛАВА 5. Новое общество и источники, рассказывающие	
о его основании	141
Последствия эмиграции из Европы	143
Взятие земли и установление порядка	146
Датировка заселения: слои вулканического пепла	154
Закрытие границы и учреждение государства	155
Письменные источники: “Книга о взятии земли” и “Книга	
об исландцах”	160
ГЛАВА 6. Пределы амбициям годи, или Стратегия распри:	
пример “Саги о людях с Песчаного берега”	165
Арнкель отправляется в поход за властью и богатством	171
Земли Ульвара отходят Арнкелю	173
Земли Хромого отходят Снорри Годи	178
Земля Эрлюга отходит Ульвару	181
Конец Ульвара	183
Конец Арнкеля	187
ГЛАВА 7. Институт представительства и отношения	
между годи и его тинговыми	191
Природа годорда	194
Представительство	196
Третьейские суды и распря как элемент системы права	199
Гибкость отношений “годи — тинговый”	204
Институт побочных жен и социальные эффекты, с ним связанные	212
Социальная иерархия	214

Хреппы: общины	218
Для сравнения: ситуация на Оркнейских островах	220
Вольноотпущенники	221
ГЛАВА 8. Саги об исландцах и “Сага о Стурлунгах”:	
средневековые тексты и движения за национальную	
независимость нового времени	223
Саги об исландцах	225
“Сага о Стурлунгах”	231
Саги как источники	235
Движения за национальную независимость нового времени	
и исландские саги	238
Выводы	245
География саг и прядей об исландцах	248
ГЛАВА 9. Законодательная и судебная системы	263
Тинги: собрания свободных людей	268
Альтернативы: что предпринять в трудной ситуации	282
ГЛАВА 10. Устройство власти: “дружба”, институты	
представительства и родственные связи	285
Представительство	288
Роль родственных связей	290
Искусство сохранять равновесие	293
Дружба — в кавычках и без	296
Роль женщин и выбор между распрей и мировой	301
Распря и месть: подстрекательство в “Саге о людях из долины	
Лососьей реки”	302
Подстрекательница из “Саги о Стурлунгах”	311
Сдержанность и самообладание в эпоху Стурлунгов:	
пример из жизни годи	312
ГЛАВА 11. Особенности хода распри с кровной мстью	315
Территория	322

Браки, союзы и конфликты интересов	327
Некоторые выводы	332
ГЛАВА 12. Распря и месть в “большой деревне”	335
Язык распри	344
Самообладание и умеренность	346
Блеф и насилие	352
Объявление вне закона	354
ГЛАВА 13. Дружба, распря, власть: пример “Саги о людях с Оружейникова фьорда”	357
Спор о наследстве чужеземца	363
Хельги Кошки мстит Торлейву	367
Борьба за возврат приданого	370
Раздоры из-за леса	372
Борьба за верность тинговых	373
Хельги Кошки нарушает уговор и обманывает “друга”	375
Гейтир находит новых “друзей”	378
ГЛАВА 14. Обычные источники доходов	383
Источники дохода, доступные только годи	387
Налоги в эпоху народовластия	387
Установление цен на импорт	390
Дополнительные привилегированные источники доходов	395
Овечий налог	397
Источники дохода, доступные всем свободным землевладельцам	398
Торговля — международная и внутренняя	398
Рабство и сдача внаем земли и скота	405
ГЛАВА 15. Источники сверхдоходов для годи	411
Борьба за владение землей в сагах об исландцах	416
Спорные земли в восточной четверти: “Сага о людях с Оружейникова фьорда”	416

Спор о правах на земельный участок в долине Лососьей реки	421
Тяжбы о наследстве в “Саге о Стурлунгах”	425
Борьба за право унаследовать хутор Дворы Хельги: “Сага о Гудмунде Достойном”	427
Борьба за право унаследовать хутор Точильная года: “Сага о Лощинном Стурле”	430
Борьба за Точильную гору, акт 2: “Сага об исландцах”	434
ГЛАВА 16. Мирное принятие христианства и исландская церковь эпохи викингов	437
Древнегерманская религия и ее ритуалы	441
Принятие христианства в Исландии эпохи викингов	444
Церковь и география	451
Первые епископы, священники и монахини	452
Зарождение организационных структур исландской церкви	454
ГЛАВА 17. “Серый гусь” — книга исландских законов	459
Рукописи “Серого гуся” и происхождение его правовой системы	462
Положение женщин в исландской правовой системе	471
Брак и церковь	476
ГЛАВА 18. Епископы, светская власть и церковь конца эпохи народовластия	481
Епископы	483
Десятина и церковные земли	486
Епископы и священники в конце эпохи народовластия	490
Борьба церкви за власть в позднейший период эпохи народовластия	492
Священники	498
Монастыри	500
ГЛАВА 19. Большие годы, большие бонды и саги о них, или Конец эпохи народовластия	505
Большие бонды и саги об исландцах	510

Конкурентные преимущества больших бондов	511
“Сага об исландцах” как часть “Саги о Стурлунгах”	516
Большие годы — правители, но не совсем	517
Исландский ярл	519
1262–1264: Договор с норвежским конунгом и конец эпохи народовластия	521
<i>Приложение 1: Законоговорители</i>	<i>525</i>
<i>Приложение 2: Исландские епископы в эпоху народовластия</i>	<i>533</i>
<i>Приложение 3: Исландские дома из дерна — строительство и архитектура</i>	<i>539</i>
<i>Приложение 4: Из Виноградной страны в Рим — путешествия Гудрид дочери Торбьёрна</i>	<i>557</i>
<i>Приложение 5: Сага о людях с Оружейникова фьорда (перевод с древнеисландского Ильи Свердлова)</i>	<i>565</i>
<i>Приложение 6: Сага о Гудмунде Достойном (перевод с древнеисландского Ильи Свердлова)</i>	<i>605</i>
<i>Примечания</i>	<i>681</i>
<i>Библиография</i>	<i>767</i>
<i>Указатель понятий, личных имен и топонимов</i>	<i>816</i>
<i>Обратный латинско-русский указатель</i>	<i>887</i>

Список иллюстраций

1. Кнорр, основной океанский корабль эпохи викингов 47
2. Дом при хуторе Грелина землянка в Западных фьордах, реконструкция 81
3. План дома при хуторе Грелина землянка 81
4. Развалины долгого дома на хуторе Жердь 83
5. Дом при хуторе Жердь, вид на главные двери, реконструкция 86
6. Последствия эрозии 107
7. Эрозия в горах и возвышенностях 108
8. Эрозия в низинах 109
9. Схема устройства государственной власти в Исландии эпохи народовластия 274
10. Альтернативная схема устройства государственной власти в Исландии эпохи народовластия 275
11. Хутор Дворы Эйрика, середина X века 543
12. Грелина землянка в поперечном сечении, вид на главные покои от сеней 545
13. Грелина землянка в разрезе, вид с угла 547
14. Долгий дом при хуторе Жердь в разрезе, вид с угла 549
15. Долгий дом при хуторе Жердь в разрезе, вид с торца 550
16. Долгий дом при хуторе Жердь, жилые покои в разрезе, вид с торца 551
17. Долгий дом при хуторе Жердь, кладовка для еды в поперечном сечении 552
18. Долгий дом при хуторе Жердь, уборная в поперечном сечении 553

Список карт

1. Мир исландцев эпохи викингов — Северная Атлантика и прилегающие регионы 42
2. Расстояния между Исландией и другими странами 45
3. Путешествия Унн и Хрута 57
4. Океанские течения вокруг Исландии 71
5. Земля Лысого Грима в Городищенском фьорде 73
6. Викинские маршруты для плавания в Исландию, Гренландию и Америку 126
7. Хутора первопоселенцев согласно “Книге о взятии земли” 147
8. Оси основных ареалов выпадения вулканического пепла от извержений с 870 по 1206 г. 151
9. “Пепел взятия земли” — ареалы залегания слоев в Исландии 153
10. География “Саги о людях с Песчаного берега” — Мыс Снежной горы и Лебединый фьорд 168
11. Землевладения в Лебедином фьорде — изначальная ситуация 169
12. Последствия действий Арнкеля — ситуация с землевладением в Лебедином фьорде непосредственно перед его смертью 185
13. Островной фьорд около 1190 г.: хутора годи и их тинговых, по данным “Саги о Гудмунде Достойном” 209
14. Островной фьорд около 1190 г.: связи между годи и их тинговыми, по данным “Саги о Гудмунде Достойном” 211
- 15.1–15.8. География саг и прядей об исландцах 255–262

16. Границы между четвертями и места тингов в эпоху народовластия (ок. 930–1264 гг.) 266
17. Распря Торгерд дочери Эгиля сына Грима Лысого 305
18. Дороги на альтинг 339
19. География конфликта между Гейтиром и Хельги Кошки в Оружейниковом фьорде 364
20. Красивая долина — крепость Гейтира 377
21. Гавани и места высадки на берег с эпохи заселения до 1180 г. 391
22. Гавани и места высадки на берег после 1190 г. и до конца эпохи народовластия 393
23. Дрейфующий лед — сезонные ареалы 401
24. Годи и бонды из “Саги о людях из долины Лососьей реки”, замешанные в тяжбе о судьбе хутора Дворы Годди 423
25. Хутор Точильная гора и близлежащие острова на Перевальном побережье, где водятся тюлени 431
26. Монастыри и два епископства в эпоху народовластия 501
27. Путешествия Гудрид дочери Торбьёрна 560

От переводчика

Книга Джесси Байока — пожалуй, самая крупная научно-популярная публикация на русском языке об Исландии и исландских сагах со времен выхода в свет знаменитых книг основателя российской скандинавистики Михаила Ивановича Стеблин-Каменского “Мир саги” (1971) и “Культура Исландии” (1967). Его дух и его наследие — научное, популярное, переводческое — не только остаются фундаментом для представителей его научной школы, но и лежат в основе восприятия мира саг и эпохи викингов самой широкой русскоязычной аудиторией. Не будет слишком большим преувеличением сказать, что мы глядим на средневековую Исландию и Скандинавию глазами М. И. Стеблин-Каменского, его учеников и единомышленников, таких как А. Я. Гуревич, А. С. Либерман, мой учитель О. А. Смирницкая, Т. Н. Джаксон, Ф. Б. Успенский, А. В. Циммерлинг и другие. Поэтому мне казалось важным, представляя настоящую книгу русскому читателю, яснее подчеркнуть глубокое сходство подходов Джесси Байока и М. И. Стеблин-Каменского и его школы к сагам и средневековой Исландии — тем более что среди западных скандинавистов Джесси Байок стоит в этом отношении особняком. Не имея намерения вторгаться в авторский текст, я стараюсь по возможности наметить эти связи в примечаниях переводчика, а равно прояснить некоторые иные моменты, существенные для понимания столь многогранного явления, как исландская сага и средневековая исландская культура.

Джесси Байок строит свой анализ на всем множестве древнеисландских текстов, но особое внимание он уделяет трем сагам, которых еще недавно не было по-русски. Первая из них, “Сага о людях с Песчаного берега”, вышла в 2004 году в переводе Антона Владимировича Циммерлинга и в настоящее время доступна в интернете*. Две другие, “Сага о людях с Оружейникова фьорда” и “Сага о Гудмунде Достойном”, ранее на русский не переводились и впервые публикуются в качестве приложений к настоящей книге (с одобрения автора). Читатель, таким образом, получает возможность познакомиться с этими тремя текстами в полном объеме и из первых рук и тем самым лучше оценить авторский труд.

Пользуясь случаем, я хотел бы выразить благодарность людям, без которых эта книга не состоялась бы: главному редактору издательства *Corpus* Варваре Горностаевой, которая взялась за этот проект еще в 2006 году и с тех пор поддерживала его на плаву (а плавание, как и полагается книге о викингах, выдалось бурное); моему редактору Екатерине Владимирской, чей широкий, но трезвый взгляд на русскую словесность помог настроить текст перевода на нужный лад; моим учителям и прежде всего Ольге Александровне Смирницкой, открывшей мне двери в мир древнегерманской литературы; моему коллеге Федору Борисовичу Успенскому, который прочел перевод в рукописи и сделал ряд ценных замечаний; автору книги, который любезно — и всегда подробно — отвечал на многочисленные возникавшие по ходу перевода вопросы; и моей жене Саше Григорьевой, моему первому и самому благодарному читателю (а чаще слушателю и реже — критику).

Напоследок мне хотелось бы повторить вслед за автором, что я испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие все время, пока работал над русским текстом “Исландии эпохи викингов”. Надеюсь, что по завершении книги эти же слова сможет произнести и читатель.

Илья Свердлов

* [Саги-4]; <http://norse.ulver.com/src/isl/eyrbygg/ru.html>.

*Посвящается Гейл —
на это есть тысяча разных поводов,
один приятнее другого*

В [латинских] книгах эту страну называют Туле, а норвежцы — Исландией, то есть Ледяной землей. Этот остров, право, так и следует называть, потому что там предостаточно льда и на земле, и в море. В море встречаются такие невероятно большие льдины, что порой они покрывают все северное море, а на высоких горах лежат ледники, и совсем не тают, и они такой чрезвычайной ширины и толщины, что те, кто живут далеко, пожалуй, и не поверят. Из-под этих гор, покрытых ледниками, порой изливаются мощные потоки, необыкновенно бурные, и от них идет такая нечеловеческая вонь, от какой умирают не то что люди и скот на земле, но самые птицы в небе. А еще в этой стране есть такие горы, какие извергают из себя жуткое пламя, и от этого с неба на землю дождем падают камни, а шум и грохот слышно по всей стране, и люди говорят, что какой мыс на острове ни возьми, можно отплыть от него по прямой на четырнадцать дюжин миль, и все равно будет слышно; и бывает, что после этого огня наступает такая темень, что даже в самую середину лета в полдень видно не дальше чем на вытянутую руку. И еще рассказывают, что как-то раз прямо из самого моря, в миле от берега к югу от острова, начало бить пламя и с ним из воды поднялась на свет божий большая гора, а другая скрылась под волнами, а она прежде того появилась из моря при тех же обстоятельствах, что и новая. Где угодно в этой стране можно найти источники кипящей воды и серу. Лесов там совсем нет, если не считать березы, да и та низкорослая. Злаки произрастают лишь на юге и в считаном числе мест, и нигде не выращивают ничего, кроме ячменя. [...] Люди там живут все больше у побережья, притом на западе и востоке их меньше, чем в других местах.

“Сага о Гудмунде сыне Ари, епископе в Пригорках,
составленная аббатом Арнгримом”, гл. 2¹

Благодарности

Прежде всего я хотел бы отметить моих многочисленных исландских друзей, а особенно профессоров Хельги Торлакссона и Гуннара Карлссона — они как никто другой глубоко понимают историю Исландии и развитие ее общества, и я с благодарностью принял их советы и замечания. Их участие в этой книге — большая удача для меня.

Еще маленьким мальчиком я обожал вместе с отцом листать страницы географических атласов и с тех пор влюбился в карты и все с ними связанное. В этой книге немало карт и иллюстраций, и в их создание, в поиск материала для них вложено огромное количество труда. Я не сумел бы завершить это предприятие без помощи художников и картографов Робера Гиймета, Жана-Пьера Биара, Гудмунда Олава Ингварссона и Лори Гудмундссон. Их мастерство завораживает, и работать с ними было исключительно приятно. Я также благодарен Эндрю Дугмору за его иллюстрации, которые публикуются в этой книге с его любезного согласия.

Я благодарен Гудмунду Олавсону из Национального музея Исландии за возможность работать с материалами археологической экспедиции в Грелину землянку и разрешение использовать рисунки и схемы раскопанного там долгого дома. С тех пор Гудмунд стал участником экспедиции на Мшистую гору, и его вклад в этот проект огромен. Сердечная благодарность Хёрду Аугустссону, который не только любезно предоставил мне свои чертежи исландских

домов из дерна, но и в течение многих лет делился со мной своими глубокими познаниями в исландской и норвежской средневековой архитектуре. Я никогда не забуду его остроумие и чувство юмора. Я также благодарен архитекторам Гретару Маркуссону, Стефану Эрну Стефанссону и Хьёрлейву Стефанссону, которые с радостью отвечали на мои многочисленные вопросы о практических аспектах возведения построек из дерна. Нельзя не упомянуть также Кристьяна Йоханна Йонссона, чьи замечания к рукописи пошли ей на пользу.

Я выражаю глубокую признательность своему отцу, Лестеру Байоку, и дяде, Гарольду Уильямсу. Обоих уже давно нет с нами, но я уверен, они бы с большим удовольствием прочитали раздел об архитектуре исландских хуторов. Если бы не они, он бы никогда не был написан. Мне исключительно повезло быть сыном и племянником этих превосходных мужей. Они оба, вместе с моей матерью, Силь Уильямс Байок, все время что-то мастерили, и поэтому с архитектурой и строительством я познакомился раньше, чем с чтением и письмом. Благодаря им я навсегда усвоил, как важно — и как интересно — уметь делать вещи своими руками.

У ученых принято жаловаться на титанические усилия, какие приходится вкладывать в писание книг, на усталость, на кровь и пот и далее в этом роде. Это все зачастую так и есть, но я хочу сказать, что испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие все время, пока работал над “Исландией эпохи викингов”. И одна из причин тому — написание книги совпало с периодом в моей карьере, когда я получил ряд стипендий и грантов, позволивших мне провести в Исландии без малого три восхитительных года. Все это было бы невозможно без помощи нижеследующих людей и организаций: Фонда Фулбрайта; Фонда президента Университета штата Калифорния; Национального фонда гуманитарных исследований (США); Фонда памяти Джона Саймона Гуггенхайма; исландского министерства культуры и образования; сената Университета штата Калифорния в Лос-Анджелесе и его членов — проректора Колледжа литературы и науки Брайана Копенхейвера и декана Полины Ю.

Кроме этого, я хотел бы поблагодарить Центр им. Уилларда Фиска при Информационном агентстве США в Рейкьявике, и особенно главу его исландского отделения, Уолтера Дугласа, и его жену Нэнси. В самые черные зимние дни Дугласы заново открыли забытое искусство смешивать “Манхэттен”, и мне стоило лишь заглянуть к ним, чтобы мрак развеялся. Я в долгу перед послом США в Исландии, Деем Маунтом, который вместе с Уолтером Дугласом обеспечил меня кабинетом, чем здорово мне помог. В долгу я и перед моей дочерью Эшли и моей женой Гейл, которые прочли не один черновой вариант этой книги и всякий раз делились со мной полезными наблюдениями. Нельзя не упомянуть также безупречную Грейс Стимсон, благодаря которой язык “Исландии эпохи викингов” стал много лучше, и Клэр М. Гиллис, фулбрайтовского стипендиата и блестящую студентку и помощницу, работавшую со мной в Рейкьявике, чье глубокое понимание саг и обширные знания об Исландии обогатили книгу. Наконец, сердечные благодарности моим друзьям по старым добрым “Кафе искусств” и “Солон Исландус” — в этих местах не ведают, что такое скука, и вдохновение посещает всякого.

Предисловие

Я хотел написать книгу, которая бы в подробностях рассказывала об устройстве и природе исландского средневекового общества и одновременно служила бы пособием по чтению исландских саг. Мне хочется верить, что у меня получилось и что в результате моя книга углубляет наше понимание социальных сил и внешних факторов, таких как экология и география, которые создали исландское общество эпохи народовластия и повлияли на его эволюцию. Эти века — с начала десятого по конец тринадцатого — охватывают скандинавскую эпоху викингов практически полностью, а во всем, что происходило в то время, Исландия и исландцы играли важнейшую роль.

Я провел в Исландии изрядную часть своей жизни. Юношей я пас овечьи стада в северных фьордах, особенно мне близка округа Медвежачьего озера. Этот опыт навсегда отпечатался в моей памяти, подарив мне редкий шанс узнать на собственной шкуре, что и как нужно делать, как себя вести, чтобы выжить в этой приполярной стране. Этот-то опыт я и старался положить в основу книги, которую читатель держит в руках. Но я помню не только тяготы пастушеских трудов, когда ты каждый зимний миг должен думать о том, как сохранить жизнь своим овцам, дабы они увидели следующую весну, — я помню и красоту исландских гор и лугов, и яркое весеннее солнце, и летнее тепло, и диких лошадей на высокогорных пустошах, и дружелюбие

хуторян. В особенности я хотел бы поблагодарить за гостеприимство Карла, Маргрету и Трюггви с хутора Большое городище и Вильхьяльма и Маргрету с Гауковой трясины.

В те времена, когда я гостил на исландских хуторах, тамошняя сельскохозяйственная техника представляла собой пестрый калейдоскоп из джипов, небольших тракторов и громоздких машин для доения самого разнообразного производства — русского, американского, британского. Я был механиком и умел чинить все эти железные чудища. Мои таланты заслужили мне известное уважение со стороны хуторян и открыли путь к непосредственному участию в их повседневной жизни — а именно такой подход к антропологии интересовал меня более всего. Мы вместе ели традиционную исландскую еду — например, конину, маринованную в кислой сыворотке, — ездили верхом, сгоняли овец в стада, а зимой в ледяной воде ловили сетью пресноводную форель. Днем за работой мужчины без конца рассказывали истории и декламировали римы — традиционные исландские рифмованные поэмы, очень длинные, иные в сотни строф. Те же, у кого, по мнению людей, был талант, сочиняли бесчисленные стишки покороче. А однажды весенним утром перед моими глазами предстала картина, которую я, уверен, не забуду никогда. Я ехал верхом и, перевалив через бугор, оказался у края широкой речной долины, затянутой утренней дымкой. Из-за пелены тумана поднимались тысячи тысяч диких уток и лебедей, и скрывались обратно, и перекрикивались. Этот вид, этот звук способны превратить механика в поэта, и я лелею надежду, что и будущим поколениям выпадет на долю лицезреть и слышать его.

Работа над “Исландией эпохи викингов” доставила мне огромное удовольствие. Эта книга позволила мне обсудить новые открытия и коснуться новых тем, вошедших в научный обиход со времен публикации моей “Средневековой Исландии” (*Medieval Iceland*, University of California Press, 1988). Кое-что новое из того, что читатель найдет в этой книге, ранее вышло в составе расширенного перевода “Средневековой Исландии” на датский язык (*Island í sagatiden*, C. A. Reitzel, 1998). В ны-

нешние времена публикация фундаментальных исследований в популярной форме — редкость, и я глубоко признателен издательству *Penguin Books* за предложение написать и опубликовать у них эту книгу. Благодаря этому я смог заново взглянуть на хорошо знакомый мне материал и слить в единое целое результаты моих исследований в области истории, антропологии, археологии и собственно изучения саг и природы исландского права и исландской распри.

Немного о чтении древнеисландских слов, имен собственных и топонимов*

Правила чтения и традиционные способы передачи на русский исландской орфографии

Многие древнеисландские слова при их первом употреблении в этой книге даются в исходной орфографии. Древнеисландский язык использует латинский алфавит с некоторыми добавлениями. В целом для древнеисландского верен принцип “читается, как пишется” (правила чтения в современном исландском языке куда сложнее), а ударение во всех словах строго на первом слоге.

Буква *þ* (заглавная *Þ*) обозначает глухой межзубный фрикативный согласный и читается как английское *th* в словах типа *through* и *thin*, буква же *ð* (заглавная *Ð*) обозначает такой же фрикативный межзубный, но звонкий, и читается как английское *th* в словах типа *they* и *though*. На русский эти звуки традиционно передаются как *т* и *ð*. Буква *f* в любой позиции, кроме начальной, читается как русское *в*. Буква *x* всегда читается как русское *кс*. Буква *j* всегда читается как русское *й*.

Буква *q* (и заменившая ее в современной орфографии буква *ö*) обозначает огубленный гласный переднего ряда и среднего подъе-

* Раздел составлен переводчиком, структура же его следует аналогичному разделу оригинала, где говорилось о передаче древнеисландской орфографии и ономастики на английский язык.

ма и читается как первый гласный в русском *тёрка*; на русский традиционно передается чаще всего как ё (исландцы *Hörðr* и *Vjörn* по-русски Хёрд и Бьёрн), иногда как ёо (в основном для слова *фьорд*, дисл. *fjörðr*), но в начале слова всегда как э (так, исландец *Önnundr* по-русски Энунд). Буква *æ* представляет собой лигатуру букв *a* и *e* и читается как русское э, буква *œ* — лигатуру *o* и *e* и читается так же, как *o*. Буква *y* читается как гласный в русском *ключ*; в любой позиции, кроме начальной, она так и передается на русский, в начальной же позиции передается как *и* (мировое древо ясень Иггдрасиль по-древнеисландски *Yggdrasill*). Дифтонг *ey* передается как *ей* (в середине слова) и *эй* (в начале).

Знак ударения (акут) над гласными обозначает их долготу.

Еще одна особенность передачи на русский исландских имен — эллипсис финальной буквы *-r*, когда она обозначает падежное окончание именительного падежа единственного числа (женского и мужского рода) и при этом идет после согласного*. Так, конунг Харальд Прекрасноволосый по-древнеисландски пишется (и читается) *Haraldr* (ср. дат. п. ед. ч. *Haraldi*), а первопоселенка Ауд Мудрая — *Auðr hinn djúpidga*; в других же случаях *-r* сохраняется: так, ас по имени *Freyr* и по-русски — Фрейр (*-r* после гласного, ср. род. п. *Freys*), а исландец по имени *Hafr* — Хавр (*-r* является частью основы, ср. род. п. *Hafrs*).

Отдельное правило — передача слова *maðr*, “человек; мужчина” (дат. п. ед. ч. — *manni*). Здесь не только отбрасывается окончание *-r*, но и устраняется характерная древнеисландская ассимиляция **-nnr* => *-ðr*, с тем чтобы основа стала опознаваемой. Поэтому норвежский титул дисл. *lendr maðr* передается как *лендрманн*, а исландский титул дисл. *logmaðr* — *лагманн*.

* Традиция эта — передавать основу слова, а не форму им. п. — разумеется, следует за классикой (так, римский исторический деятель *Octavianus Augustus* по-русски известен под именем Октавиан Август). (*Прим. перев.*)

Исландские имена собственные и топонимы

В эпоху викингов исландцы не носили фамилий (и не носят их по сию пору*). То, что некоторые принимают у исландцев за фамилии, на самом деле является только и исключительно отчествами (и иногда матронимами, так как и в древности некоторых детей обозначали не по отцу, а по матери — например, если отец рано умер**; в настоящее время закон об именах позволяет выбирать). Они образуются так: родительный падеж имени родителя плюс *-son* “сын” для мальчиков и *-dóttir* “дочь” для девочек. Внуки, разумеется, получают свои отчества от родителей, а не от дедов.

Древнеисландские отчества в этой книге не транскрибируются, как некогда было принято, а переводятся — так, исландец по имени *Eiríker Þorvaldsson* по-русски становится Эйриком сыном Торвальда. Разумеется, число личных имен, хотя и велико, не безгранично, поэтому в древности исландцы очень любили давать друг другу прозвища, чтобы по возможности не возникало путаницы. Означенного Эйрика сына Торвальда за то, что он открыл Гренландию, прозвали Рыжим (дисл. *binn rauði*), а его сына Лейва — Удачливым (*inn heppni*).

Аналогичным образом везде, где только возможно, исландские топонимы, и прежде всего топонимы — сложные слова, также не транскрибируются, а переводятся — по той причине, что они все без исключения совершенно прозрачны. Скажем, название реки *Hvítá* представляет собой сложное слово и состоит из двух элементов — прилагательного *hvítur* “белый” (родственно англ. *white* “белый”) и существительного *á* “река” (родственно лат. *aqua* “вода”); рек с таким названием в Исландии несколько, и называются они так

* В некоторых исконно исландских семьях фамилии все-таки имеются, но семей этих — и фамилий — весьма ограниченное число. Согласно современному исландскому закону об именах (№ 45 от 17 мая 1996 года, статьи 8 и 9), исландец не имеет права *принять* фамилию (например, выйдя замуж или женившись), а только унаследовать. (*Прим. перев.*)

** Так, матронимы носили братья Хельги и Грим, сыновья Дроплауг, герои одноименной саги [Саги-3, 215–243]. (*Прим. перев.*)

потому, что вода в них и в самом деле белого цвета (так как это талая вода ледников). Для того чтобы эти названия можно было найти на карте, использующей латинский алфавит (или транскрибирующей), книга снабжена двумя указателями имен собственных — русско-исландским (основной) и исландско-русским. В указателях элементы топонимов — сложных слов разделяются для удобства читателя дефисами.

Важная особенность исландской топонимики — обилие так называемых усеченных сложных слов, когда в употреблении ряд элементов сложного слова опускается. При этом для одних топонимов (как правило, коротких) в текстах встречаются оба варианта, и полный, и усеченный, а для других (как правило, длинных) — только усеченный.

Так, в “Саге о Ньяле” действует человек по имени Кетиль из Леса (*Ketill í Mork*), но это не просто какой-то лес, а вполне конкретный Торов лес (*Þórs-mork*), ныне знаменитый заповедник. Здесь имеет место вариация *Mork* = *Þórs-mork* (Лес = Торов лес). Аналогичный случай читатель встретит в главе 10, где в цитате из “Саги о людях из долины Лососьей реки” рассказчик сначала называет хутор “Междуречье Счастливицовой долины” полностью (*Sælingsdals-tunga*), а затем персонаж саги, Халльдор сын Олава Павлина, называет этот же хутор просто “Междуречье” (*Tunga*).

Далее на основе топонима “Торов лес” строятся уже другие топонимы — сложные слова, также усеченные, но уже, как правило, не имеющие неусеченного варианта. Так, река, вытекающая из Торова леса, обозначается просто “Лесная река” (*Markar-fljót*), на деле “Река Торова леса” (**Þórs-markar-fljót*), а горная гряда к северу от нее — “Речной склон” (*Fljóts-hlið*), на деле “Склон реки Торова леса” (**Þórs-markar-fljóts-hlið*). Тем самым знаменитый хутор Гуннара сына Хамунда, находящийся на краю этой гряды, известный всем под названием “Конец склона” (*Hliðar-endi*), на деле представляет собой пятичленный усеченный композит “Конец склона реки Торова леса” (**Þórs-markar-fljóts-hliðar-endi*). Все эти полные варианты отмечены звездочкой, поскольку в употреблении не встречаются. Аналогичный случай — “Озерная долина” (*Vatns-*

dalr) на севере острова; в самой долине ни одного озера нет, однако река, вытекающая из нее, впадает в Медвежачье озеро (*Húna-vatn*), рядом с которым проводился один из тингов северной четверти, так что на деле долина называется “Долина Медвежачьего озера” (**Húna-vatns-dalr*; ср. название современной административной единицы, включающей Долину Медвежачьего озера, которое представляет собой неусеченное сложное слово “Округа Медвежачьего озера”, *Húna-vatns-sýsla*). Сюда же название самого большого в Исландии Озерного ледника (*Vatna-jökull*) — на деле это Ледник Гримовых озер (**Gríms-vatna-jökull*) и назван по озерам (*Gríms-vötn*), располагающимся под этим ледником над самой активной вулканической зоной в Исландии*.

Вот некоторые часто используемые в исландских топонимах элементы:

- á* (мн. ч. *ár*) = река
- bakki* = гребень
- berg* = гора
- ból* = жильё
- borg* = городище
- brekka* = откос
- bær* = хутор
- dalr* = долина
- ey* (род. п. мн. ч. *eyja*) = остров
- eyrr* (мн. ч. *eyrar*) = песчаный берег
- fell* = гора
- fjörðr* (мн. ч. *firðir*) = фьорд (залив, как правило, узкий, обрамленный, как правило, высокими скалами)
- fljót* = река
- gil* = ущелье
- gjá* = расселина
- hlið* = склон

* Сами озера названы по имени объявленного вне закона исландца, который, по позднесредневековой легенде, скрывался в этой области. (*Прим. перев.*)

bolt = изначально “лес” (родственно нем. *Holz* “дрова”), но поскольку леса в Исландии были быстро уничтожены поселенцами, слово стало обозначать “каменистый холм”

hóll (мн. ч. *hólar*) = пригорок

jökull = ледник

laug = горячий источник

múli = хребет

nes = мыс

reykr (мн. ч. род. п. *reykja*) = дым (от горячего источника)

staðr (мн. ч. *staðir*) = двор

tunga = междуречье (область между слиянием двух рек)

vágr (совр. исл. *vogur*) = бухта

vatn = озеро

vík = залив

völlr (мн. ч. *vellir*) = поле, равнина

Введение

В книге рассказывается о первых веках жизни древнеисландской республики и о ключевых этапах ее формирования, то есть о периоде с X по середину XIII века н. э. Исландию заселили жители континентальной Скандинавии и викингских колоний на Британских островах. Первопроходцам пришлось приспособиться к новым, подчас крайне суровым климатическим условиям, а также к скудости местных ресурсов. Поэтому с точки зрения антрополога и социолога раннесредневековая Исландия представляет собой чрезвычайно интересный социально-исторический эксперимент. Общество, развившееся в эпоху викингов на этом крупном острове, сумело в весьма значительной мере избежать “официальной” иерархизации, не став при этом, однако, обществом равных. В принятии общественных решений ключевую роль играло всеобщее согласие, консенсус, в силу чего большинство особенностей исландской раннесредневековой государственности прямо вытекает из сосредоточения общественных усилий на защите политических и юридических прав свободных землевладельцев и землепользователей.

Климатические условия, в которых оказались первопоселенцы, разительно отличались от климата континентальной Скандинавии. Большое количество действующих вулканов, близость к полярному кругу, удаленность от Ев-

ропы, а также острый дефицит дерева, годного для возведения построек, — все эти факторы предопределили пути развития древнеисландской культуры и стратегии выживания для общества. Поселенцы адаптировали навыки и умения, вывезенные ими с родины, к новым условиям и научились пользоваться доступными в новой экосистеме ресурсами, в частности — стройматериалами. Они сумели извлечь много выгоды, как прямой, так и косвенной, из географического положения острова — северного, однако отличающегося умеренно суровым климатом благодаря теплomu Северо-Атлантическому течению (Гольфстриму). Первопоселенцы были хорошо подготовлены к жизни на изолированных друг от друга хуторах и с самых первых дней на острове могли безопасно отправлять свой скот пастись на горных пастбищах. Речь идет, конечно, о безопасности природной — основным источником угрозы являлась не окружающая среда, а другие люди.

Древнеисландские законы, точные и дотошные, затрагивали практически все стороны социального взаимодействия, однако исполнительной власти, которая бы обеспечивала соблюдение этих законов, не существовало. Законы действовали благодаря наличию хитроумной системы контрактного социального представительства, которая вкупе с институтом политического союза, известного под названием “дружбы” (дисл. *vinfengi*), и родственными связями определяла социальное поведение индивидуумов. Древнеисландское общество, как говорят антропологи, было “сфокусировано” на законах в частности и праве вообще как основе социума; в книге, которую держит в руках читатель, в основном говорится именно об этом “фокусе”, а также о ключевой роли в обществе институтов представительства и вмешательства третьих лиц, об особенностях устройства законодательных и судебных процедур и об альтернативах (от насилия до компромисса), доступных индивидууму, желающему воздействовать на социальную ситуацию в обществе, признающем распрю.

Колонизировав Исландию, поселенцы претерпели не только эволюционные, но и “деволюционные” изменения — они построили на острове общество менее сложной структуры, нежели то, которое покинули. Результатом первой фазы социально-экономического развития новой страны явилось упрощение социальной стратификации и практическая ликвидация прежней, многоуровневой политической иерархии; древнеисландское общество поэтому кажется эгалитарным, обществом равных. Экономика с первых шагов была, по необходимости, чрезвычайно диверсифицированной — поселенцы вынуждены были активно эксплуатировать всевозможные ресурсы, доступные как в приморских районах, так и в центре острова; отсюда ее первоначальная простота, а типичный исландец того времени — не более чем одновременно оседлый пастух и приморский охотник-собиратель. Со временем также выяснилось, что вывезенная с родины система землепользования, и, в частности, выпаса скота, пагубна, если не смертельна для местной экологии.

В течение всего средневекового периода своей истории, да и многие столетия спустя, Исландия оставалась целиком сельской. На острове не существовало даже деревень, не говоря уже о городах, да и в процветавшей у скандинавов эпохи викингов международной торговле исландцы принимали лишь маргинальное участие. Деволюция, которой сопровождалась эпоха заселения (“времена взятия земли”, дисл. *landnámsöld*), оставила глубокий след на островном сообществе; она-то и сделала Исландию Исландией, страной, отличной от всей остальной Скандинавии, где общество строило сложные социальные иерархии, на вершинах которых располагались ярлы и конунги с четко выраженными (и характерными для этих классов) военными функциями.

* Здесь и далее термин “деволюция”, имеющий ряд специфических юридических значений, будет применяться в значении “эволюция в обратную сторону”, т. е. постепенное упрощение каких-либо характеристик. Он удобен тем, что, в отличие от термина “деградация”, не имеет негативного оттенка. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания автора.)

Затерянная же посреди Северной Атлантики Исландия стала государством без главы и исполнительной власти. С самого раннего периода, однако, в стране существовал некий рудиментарный госаппарат, а также центральный законодательный орган, единая для всей страны система права и единая централизованная судебная система. В X веке большинство исландцев поклонялись древним скандинавским богам, а местные “большие люди”, носившие титул годи и управлявшие годордами (о них см. подробнее главу 1), исполняли, среди прочего, обязанности языческих священников. Когда в 1000 году исландский парламент, альтинг (дисл. *alþingi*), принял закон о переходе всей страны в христианство, церковь была легко интегрирована в традиционную систему управления, в центре которой стояли годи, и вплоть до XIII века ни в малой степени не могла считаться независимой силой, каковой являлась в современных средневековой Исландии западных континентальных обществах. Исландские годи были не более чем предводителями людей, равных себе по статусу, и могли проводить ту или иную политику лишь при условии согласия своих сторонников. Возможностей осуществлять “легальное насилие” у годи практически не было, именно поэтому в них следует видеть лишь “уважаемых людей”, а не региональных военных вождей. В децентрализованном обществе с минимальной стратификацией, каковым было исландское, никакое событие не могло произойти, если при этом неким очевидным и прозрачным образом не обеспечивалась его взаимовыгодность и для обычных землевладельцев, и для их предводителей. Особенно важна была взаимность в отношениях между годи и людьми, признанными по закону его сторонниками, так называемыми тинговыми (дисл. *þingmenn*). Исландцы, несомненно, общались с другими европейцами и знали, как устроены тамошние общества, однако сумели практически полностью исключить их внешнее на себя влияние. Европейские ветры социальных перемен до Исландии не долетали.

Вторая (из трех) фаза развития древнеисландской республики — период социальной и экономической стабильности.

Начинается она в момент окончания эпохи заселения, которое знаменует учреждение альгинга (около 930 года), и продолжается как минимум до середины XII века. Все это время Исландия представляла собой единое общество; целый остров можно было считать одной “большой деревней”. Главным объектом интереса этого общества было оно само. Это общество с большим удовольствием участвовало во внутренних распрях, не учреждая армию, а все важные решения принимало на основе всеобщего согласия. В сагах об исландцах в красках рассказано о соперничестве между самыми разными людьми, среди которых как годи, так и обычные землевладельцы; мы словно под увеличительным стеклом видим, как жили и к чему стремились хозяева мелких и крупных хуторов. Ни в одной другой европейской литературе мы не найдем ничего подобного. В этой книге я изучаю ключи к власти над обществом и стратегии “больших людей”, ими обладавших. В частности, предмет моего внимания — то, как предводители приобретали в собственность землю у менее защищенных в правовом и экономическом отношении простых землевладельцев. Женщины в моей книге — неотъемлемая часть социальной ткани; я совершенно не намерен говорить, как это порой принято в так называемых гендерных исследованиях, отдельно о мужском и женском обществе, а, напротив, рассматриваю женщин как равноправных с мужчинами игроков на поле общественной жизни, в которой есть место и кровной мести, и распре, и убийству, и чести, и призывам к умеренности, и необходимости держать себя в руках и сознательно ограничивать свои амбиции.

Заканчивается история древнеисландской республики третьей фазой, начало которой приходится на середину — конец XII века. В этот период в Исландии появляется новая, неведомая доселе элита, так называемые “большие предводители” или “большие годи” (дисл. *stórgoðar*). Именно они в XII веке впервые попытались подчинить себе обширные территории на острове, а с 20-х по 60-е годы XIII века стремились получить в свои руки то, на что лидеры исландского общества никогда прежде не могли претендовать, — настоящую централизованную исполнительную власть над ост-

ровом или, по крайней мере, его частью. В игру вступило множество сил с противоположными интересами. У “больших годи” имелись конкуренты не только в лице себе подобных, но и в лице еще одной новой социальной группы, “больших землевладельцев” (дисл. *stórbændr*). В этот период истории республики ранняя двухуровневая система (годи и землевладельцы) уступила место более сложной трехуровневой (большие годи, большие землевладельцы, простые землевладельцы). В разных частях острова переход к этой системе произошел в разное время.

Ключевая особенность данной книги — ее методология; я предлагаю особый метод, благодаря которому исландские саги можно использовать как источники по социальной истории и антропологии. Я старался выбирать такие саги и такие эпизоды из них, которые ранее не привлекали внимание ученых, так что читатель найдет здесь много свежего материала. Особенное внимание я уделил двум великолепным сагам, “Сага о людях с Оружейникова фьорда”¹ (дисл. *Vápnfirðinga saga*) и “Сага о людях с Песчаного берега” (дисл. *Eyrbyggja saga*). Наблюдения, сделанные мной при чтении этих текстов, во многом изменили мой взгляд на более известные саги, такие как “Сага о Ньяле” (дисл. *(Brennu-) Njáls saga*) и “Сага о людях из долины Лососьей реки” (дисл. *Laxdæla saga*). Исландские саги хранят неизреченные сокровища, равных которым нет во всей средневековой литературе, однако ученые — историки и социологи — всегда ухитрялись под разнообразными предлогами отказываться от этого бесценного источника, им почему-то всегда было трудно с ним работать. Верно, саги — не история в смысле буквальной записи имевших место фактов, но они — истории из жизни народа в Средние века, составленные и рассказанные самим народом. В этом смысле саги — неисчерпаемый источник этнографического материала, и я отдаю им должное в этом качестве, не упуская, однако, из виду и того, что в их создании принимало участие воображение. Саги — одно из самых великих литературных достижений человечества, и хорошее знание их социального контекста лишь обогащает наше восприятие этих уникальных текстов.

Глава 1

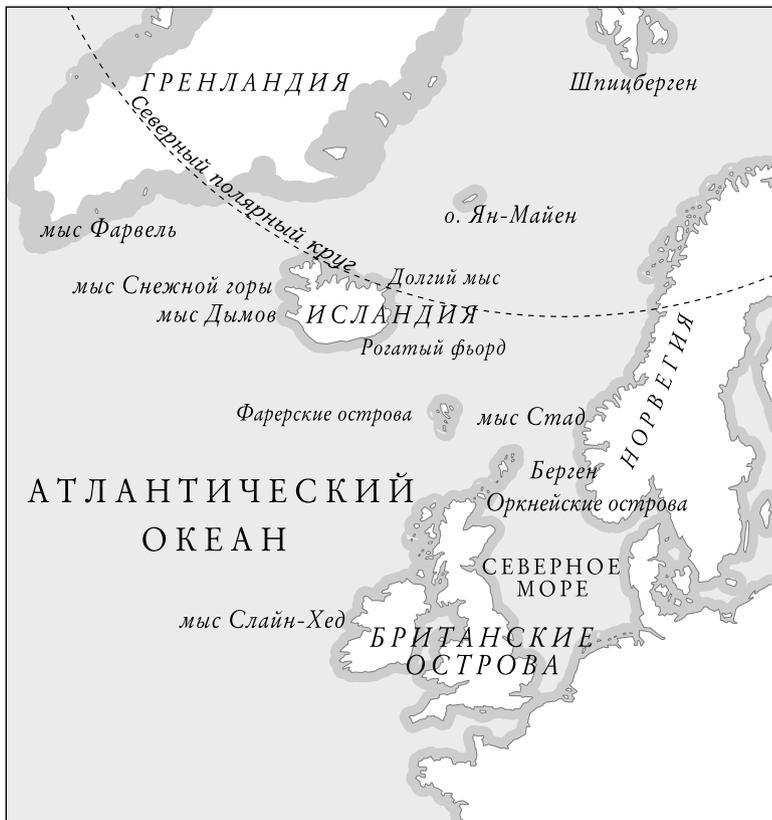
Иммигрантское общество

Жил человек по имени Мёрд, а по прозвищу Скрипица, сын Сигхвата Рыжего. Двор его назывался Поля, что на Равнинах Кривой реки. Человек он был знатный и могущественный и охотно помогал в тяжбах. Он так хорошо разбирался в законах, что иные люди считали, будто дела, рассуженные без его участия, рассужены не по правилам.*

“Сага о Ньяле”, гл. 1

* Все цитаты из саг и иных средневековых скандинавских источников переведены с древнеисландского. Если не указано иное, здесь и далее — переводы И. Свердлова.

Внесенными в эпиграф словами начинается “Сага о Ньяле”, события которой происходят в X веке, в самый разгар эпохи викингов (примерно 800–1100 гг. н. э.). Они вводят знаменитый эпизод, который как нельзя лучше иллюстрирует ключевые вопросы, обсуждаемые в этой книге. Четыре предложения кратко, но емко описывают первого важного персонажа, Мёрда Скрипицу, и нам сразу ясно, что речь идет о большом и влиятельном человеке. Сначала нам сообщают имя его знаменитого отца, затем — название его хутора, Поля, и местоположение его земельного владения, равнины вокруг Восточной Кривой реки на юге Исландии. Затем мы узнаем, почему Мёрд так могуществен. Читатель, знакомый больше с эпосом и его героями — племенными вождями, — ожидал бы услышать рассказ о боевых заслугах нашего героя, прочесть список убитых им врагов, захваченных владений, узнать о тысячах пленников и награбленных горах золота. Сага, однако, не сообщает ничего подобного. Мёрд — несомненный лидер и могущественный человек — завоевал свое положение в обществе не как воин, но как знаток законов и права, как человек, который хорошо умеет защищать интересы других людей в суде. В этом кратком описании Мёрда как вождя — вся суть древнеисландского общества и созданных им саг.

КАРТА 1. Мир исландцев эпохи викингов — Северная Атлантика и прилегающие регионы

“Мудрые люди говорят, что из Норвегии, от мыса Стад, до Рога, что на востоке Исландии¹, нужно плыть семь дней, а от мыса Снежной горы самое короткое плавание до Гренландии, что на западе, занимает четыре дня. А если плыть из Бьёргвина² прямо на запад на Поворот, что в Гренландии³, то проплываешь южнее Исландии, в половине дня пути от острова. От мыса Дымов, что на юге Исландии⁴, до Прыжка кобылы, что на юге Ирландии⁵, нужно плыть пять дней, а от Долгого мыса, что на севере Исландии⁶, до Холодного носа⁷ в Большом заливе⁸, нужно плыть четыре дня на север”. (“Книга о взятии земли”, гл. 2 в редакции “Книги Стурлы”)

Тот факт, что Мёрд — важная фигура в Исландии своего времени, известен едва ли не всем читателям саг¹, но почему-то никто не обращал внимания на причины его влиятельности. Да что там — сама природа общества, развившегося на затерянном в водах Атлантического океана крупном северном острове, по сию пору ставит ученых в тупик. Исландию заселили норвежцы во время так называемой эпохи викингов — периода экспансии северных народов, осуществлявших на протяжении долгого времени успешные завоевательные морские экспедиции по всей Европе, — и однако же власть в Исландии принадлежала не воинам, не полководцам и даже не мелким царькам. Много лет назад историк права Джеймс Брайс написал, что на примере средневековой Исландии мы можем наблюдать

едва ли не уникальный в мировой истории случай, когда общество сумело достичь исключительно высокого уровня культуры (правовой, литературной и т. д.) в условиях, когда среда ничему подобному не способствовала, — более того, в условиях, в высшей степени неблагоприятных для какого бы то ни было развития вообще. Эта страна любопытна историку права и политики еще и тем, что ее общество произвело на свет самую настоящую конституцию, не похожую ни на одну другую, а равно и чрезвычайно сложный и подробный свод законов — столь сложный

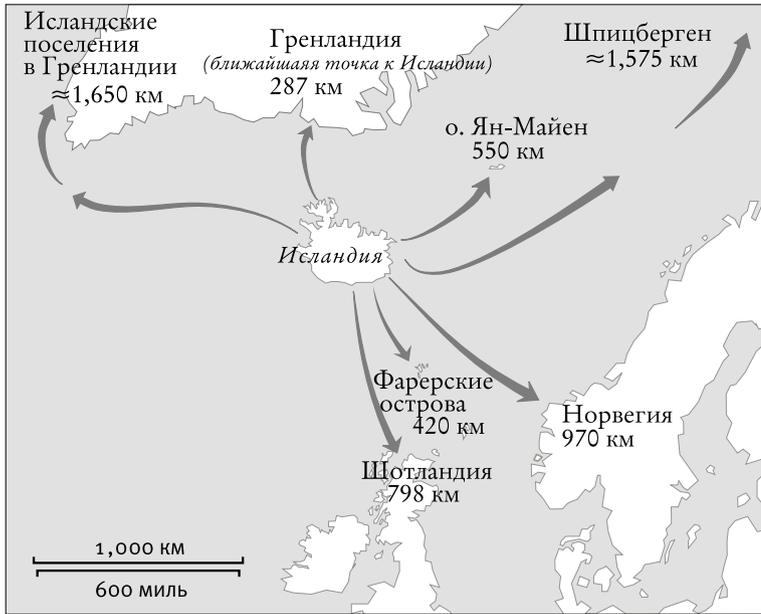
ПРИМЕЧАНИЯ К КАРТЕ.

- 1 Имеется в виду Рогатый фьорд (дисл. *Hornafjörðr*, где расположен современный городок Гавань в Рогатом фьорде, исл. *Höfn í Hornafirði*), на юго-востоке острова. (Прим. перев.)
- 2 Современный норвежский город Берген. (Прим. перев.)
- 3 Вероятно, имеется в виду современный мыс Фарвель.
- 4 Точнее, на крайнем юго-западе. (Прим. перев.)
- 5 Имеется в виду мыс Слайн-Хед, самая западная (а не южная) точка графства Голуэй.
- 6 Точнее, на крайнем северо-востоке. (Прим. перев.)
- 7 Неясно, что имеется в виду. Одни ученые предполагают, что это остров Ян-Майен, другие — что это восточное побережье Гренландии, третьи — что это Шпицберген. (Прим. перев.)
- 8 Имеется в виду Северный Ледовитый океан. В Средние века он считался заливом, так как тогда полагали, будто Гренландия соединена с Европой. (Прим. перев.)

и подробный, что невольно удивляешься, как могли создать такой свод люди, чьим основным занятием было резать друг друга².

Нельзя не признать, что со времен Брайса утекло немало воды и за этот период в исследованиях исландского общества наметился значительный прогресс. Многие исследователи тщательно изучили самые разные стороны средневековой культуры острова, и тем не менее ключевые противоречия, отмеченные Брайсом, до сих пор остаются неразрешенными. Книга, которую держит в руках читатель, пытается наконец разрешить их путем анализа глубинных структур исландского общества, его культурных кодов, которые пронизывали Исландию насквозь и превращали ее из набора различных социальных групп, разнесенных к тому же географически, в единую нацию, в единое “политическое тело”. Моя книга — труд по социальной истории, в создании которого применялись как исторические, так и антропологические приемы и в центре которого находятся саги — их этнографические, литературные и юридические свидетельства. В этой книге природные и человеческие силы, породившие новое общество — общество Исландии эпохи викингов, — рассматриваются одновременно и на равных; благодаря этому мы можем увидеть, как именно возник и как функционировал социальный порядок в этой стране. В результате удастся пролить новый свет и на природу исландского общества, и на природу саги, и на устройство жизни на средневековом севере.

Норвежцы, попавшие в Исландию в конце девятого века, оказались там не в результате спланированной миграции, государственной кампании либо организованного завоевательного похода. В отличие от большинства последующих европейцев-первооткрывателей и колонистов, норвежские поселенцы в Исландии захватывали земли на острове вовсе не от лица королей или церкви. Викинговые путешествия на крайний север Атлантики представляли собой усилия отдельных лиц, действовавших на свой страх и риск; из таких предприятий и состояла по большей части почти трехсотлетняя эпоха морской экспансии, в ходе

КАРТА 2. Расстояния между Исландией и другими странами

которой скандинавы поселились на Шетландских, Оркнейских и Гебридских островах, в Шотландии и Ирландии, на Фарерских островах, в Исландии, Гренландии и Виноградной стране (современной Канаде)*.

Заселение Исландии и дальнейшее развитие островного общества — одна из крупнейших глав в истории этой миграции. Остров “нашелся”³ в 850 году или, возможно, несколько раньше; его открыли скандинавские моряки — скорее всего случайно, сбившись с курса во время шторма. Вскоре после этого вести о наличии крупного незаселенного острова, где можно бесплатно получить в собственность большие земельные участки,

* А также, добавим, в Англии, Нормандии, Сицилии и других странах; многие служили в Византии, а иные добирались даже до Иерусалима. (Прим. перев.)

распространились по всему северному викингскому миру, который в те времена простирался от Норвегии до Ирландии. Большинство исландских иммигрантов были независимые свободные землевладельцы; среди них, конечно, встречались и “мелкие царьки”, однако они не являлись лидерами миграции, а участвовали в ней наравне со всеми.

Устройство общества средневековой Исландии было в известной мере задано условиями, сопутствовавшими заселению. Исландские иммигранты происходили из обществ со смешанной сельскохозяйственно-морской экономикой, характерной для европейского железного века; иммигранты, разумеется, привезли с собой в новую страну навыки и умения, полученные в рамках существования именно в такой экономике, а также и типичное для таких обществ поведение. Отсутствие аборигенов на весьма крупном острове предоставило первопоселенцам уникальную возможность селиться там, где им хотелось. По той же причине они могли на свое усмотрение выбирать пути адаптации к новым географическим и иным условиям. Поскольку ресурсы были более или менее равномерно распределены по острову, структура расселения тоже получилась равномерная — изолированные друг от друга, разбросанные по стране хутора без значительной концентрации населения где бы то ни было. Среда не всегда вела себя дружелюбно, но первопоселенцы — таков традиционный перевод древнеисландского термина *landnámsmenn*, буквально “люди, взявшие землю” — и их потомки, жившие в X веке, сумели быстро приспособиться к ней. Первые несколько поколений во многом определили ключевые свойства социальной, экономической и политической систем последующих столетий. Именно они ввели в обиход характерный для Исландии тип землепользования, из-за ряда особенностей которого к XIII веку объем доступных на острове ресурсов значительно сократился, прежде всего снизилась плодородность земли. Таким образом, история Исландии — не только история народа, но и история изменений в изолированной североатлантической экосистеме.

Рис. 1. *Кнорр, основной океанский корабль эпохи викингов*

Кнорры обладали отличными мореходными характеристиками. Именно на таких кораблях были открыты и заселены Исландия, Гренландия и Виноградная страна (побережье современной Канады).

Первопоселенцы, как мужчины, так и женщины, пеклись в первую очередь о собственном благе. Они воспользовались возможностью перевезти морем свои семьи, богатство и скот почти за тысячу километров от Норвегии. Обнаруженная ими земля располагалась посреди бескрайнего моря и поражала своей девственной красотой. На острове имелись как плодородные долины, так и изобильно поросшие травой низины, леса, гигантские ледники и неприступные вулканические горные массивы. Даже на не самых высоких горах снег и лед не таяли на протяжении всего лета. В настоящее время ледники и лавовые поля

занимают около 10 % острова, эта же доля приходилась на них и в период заселения. Осенью и ранней зимой небо раскрашивало в неземные цвета северное сияние.

Большинство первопоселенцев (напомню, среди них были как мужчины, так и женщины) прибыли непосредственно из Скандинавии, прежде всего из Норвегии. Многие приплыли из викингских поселений и колоний, расположенных в кельтских землях — в Ирландии, Шотландии и на Гебридских островах. Первopоселенцы оттуда привезли с собой своих кельтских жен, помощников и рабов⁴, так что многие колонисты были кельтами полностью или частично. В сагах часто встречаются кельтские имена, такие как Ньяль и Кормаг (дисл. *Njáll*, *Kormákr*, дирл. *Níall*, совр. англ. *Neal* или *Neil*, дирл. *Cormac*).

В эпоху “взятия земли”, она же эпоха заселения (дисл. *landnám*, около 870–930 гг.) в Исландию иммигрировали как минимум десять тысяч человек (а возможно, и все двадцать). Сначала свободной земли было много, и первopоселенцы брали ее себе столько, сколько хотели. Прибывали они в Исландию на торговых кораблях, так называемых кноррах (дисл. *knorr*, мн. ч. *knerrir*), груженых добром, орудиями труда и домашними животными. Корабли эти были прочные и имели одну мачту, несущую один прямоугольный парус, под каковым и полагалось на них ходить, однако конструкция корабля позволяла при необходимости преодолевать небольшие расстояния на веслах. Кнорры были в ходу на протяжении всей эпохи викингов; в период заселения Исландии они могли нести до 30 тонн полезного груза, а позднее, в XII веке, норвежцы ходили в Исландию уже на кноррах с полезной нагрузкой до 50 тонн. Согласно источникам, большинство важных первopоселенцев прибыли на собственных кораблях. Не исключено, хотя об этом источники говорят мало, что иные гоняли корабли туда-сюда через Атлантику в качестве паромов и перевозили на новую землю людей, ищущих возможности стать землевладельцами, но не имеющих средств построить свой корабль.